

УДК 316.733

Руссу Д. Е.

аспірант кафедри соціології

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ауд. 351, площадь Свободы, 4, г. Харьков, 61022, Украина

тел.: 050-741-44-56

e-mail: russudim1994@gmail.com

DOI: [http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.23.1\(30\).141387](http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.23.1(30).141387)

ПОТОКИ МОБИЛЬНОСТЕЙ И КУЛЬТУРНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

В статье проанализированы определенные аспекты функционирования современных систем мобильностей. Прежде всего, они рассмотрены с точки зрения социологии потоков и акторно-сетевой теории. Проанализирован эвристический потенциал таких подходов, выделены их основные положения и кратко представлены ключевые концепции, предложенные исследователями, работающими в рамках этих направлений. Особое внимание уделено проблематике влияния потоков и создаваемых ими сетей на формирование популярной и высокой культуры. Продемонстрировано, как мобильности способствуют воспроизводству образцов массовой культуры.

Ключевые слова: системы мобильностей, потоки, акторно-сетевая теория, глобализация, культура.

Одной из ключевых характеристик современного мироустройства является его стремительная технологизация, проникающая в каждую из сфер социальной жизни. Мы столкнулись с ослаблением влияния национальных государств, с феноменальной скоростью развития и распространения новых медиа, с размыванием границ, с непредсказуемостью глобальной экономики, с возникновением новых видов рисков. Многие из старых систем, некогда конституирующих те или иные общества (прежде всего, в пределах национальных государств), теряют свою функциональную значимость.

Все это подводит нас к тому, что современность предстает перед нами как нечто текучее, неопределенное, гибкое, постоянно меняющееся, крайне нестабильное и непредсказуемое [1]. Значительный вклад в формирование такой картины мира вносят новые системы мобильности, существование которых возможно только в условиях вышеозначенной технологизации. Эти системы позволяют перемещаться потокам не только людей, но и убеждений, информации, культурных образцов, соединяя, таким образом, географически разрозненные точки пространства в единые сети, объединенные в глобальное информационное пространство [2]. Отношения между социальными позициями в таких сетях способствуют воспроизводству определенных культурных предпочтений, связанных с массовой культурой [3]. Это проблематизирует вопрос неравенства между популярной и высокой культурой. Этим обуславливается актуальность анализа влияния современных систем мобильностей на воспроизводство культурных предпочтений, что и является задачей данного исследования.

В контексте рассматриваемой проблемы современные системы мобильностей необходимо проанализировать с точки зрения социологии потоков, поскольку именно данный подход сосредоточивает внимание на исследовании феноменов и процессов распространения различных объектов на глобальном уровне. Кроме того, само движение потоков возможно исключительно в рамках тех или иных систем мобильностей. Вслед за Дж. Урри под системами мобильностей мы подразумеваем объекты материальной инфраструктуры, благодаря которым возможно перемещение в физическом пространстве, в их совокупности с деятельностью различных медиа, продуцирующих определенные паттерны осуществления практик мобильностей.

В контексте социологии потоков работали многие исследователи: З. Бауман, К. Кнорр Цетина, А. Аппадурай, Дж. Урри, Р. Сеннет и др. Именно в рамках этого подхода возникли некоторые метафоры, получившие свое место в концептуальном аппарате определенных социологических теорий среднего уровня: *номад*, *неономад*, *кочевник новой эпохи*, *бродяга*, *турист*, *фланер*, *игрок* [4].

Существует множество определений самого понятия потоков. Так, например, для А. Аппадурай существуют определенные *воображаемые* общества, разделенные *воображаемыми* же границами. Пересекающее их на глобальном уровне множество людей, валюты, культурных образцов, идей, технологий, информации — это и есть потоки [5].

Подобную концептуализацию потоков мы можем наблюдать и у Дж. Урри, который также в некоторой степени предпочитает определять их через пересечение границ людьми, товарами, валютой, информацией и т. д. Однако отличие здесь состоит в том, что если для Аппадурай национальные государства уже являют собой некоего рода симулякр, то для Дж. Урри они по-прежнему существуют, но с некоторыми оговорками. Они связаны единой сетью, в которой доминируют различные наднациональные тенденции. Именно такие тенденции являются отличительной чертой потоков в теоретизировании британского ученого. Кроме того, перемещение для него может быть как организованным, так и хаотичным [6].

Для М. Кастельса, в свою очередь, перемещения не могут быть хаотичными. Они всегда целенаправленны и запрограммированы на установление последовательного взаимодействия физически разъединенных позиций и налаживания дальнейшего обмена между ними. Потоки состоят из информационных импульсов, центров коммуникации и элит менеджмента, что еще раз свидетельствует об их (потоков), конструируемости. Они организуют разделенные во времени социальные практики с помощью материальных объектов, что составляет так называемое «пространство потоков» [2]. Как видим, истоки теоретизирования М. Кастельса лежат в материальном пространстве, в самом концепте пространственности.

Существуют и иные подходы. Так, например, З. Бауман исходит не из пространственности, но из гибкости потоков [1]. Несколько иначе определяется роль физического пространства в теории фреймов И. Гофмана. Здесь любое социальное взаимодействие определяется так называемым фреймом, то есть границей, которая состоит из материальных объектов. Они закре-

пляют за определенной ситуацией место в мире объектов. Таким образом, мы наблюдаем, как пространство детерминируют не действия агентов (акторов; исполнителей ролей), а материальные объекты этого пространства, определяющие границы всякого взаимодействия [7].

О том, что предпосылкой социальных взаимоотношений являются материальные взаимоотношения, говорит также и У. Питц. Он утверждает, что социальное взаимодействие необходимо рассматривать не как коммуникацию между людьми, но как коммуникацию между людьми *по отношению к определенной вещи*. Так, например, никакие договоренности не имеют никакого веса (да и вряд ли возможны), если нет материального предмета этих договоренностей. Следовательно, возникновение любой социальной ситуации предполагает наличие объекта, по поводу которого эта ситуация возникает. Материальное суть условие социального [8].

Таким образом, говоря о потоках, мы подразумеваем, прежде всего, физическое пространство, которое пересекается целыми комплексами объектов (например, товарами транснациональных корпораций), связанными определенными отношениями. Однако непосредственно сами комплексы могут быть и нематериальными (идеи, культурные образцы).

С этой идеей связана и концепция «социальной топологии» одного из соавторов акторно-сетевой теории Дж. Ло. Он полагает, что объекты, движущиеся в евклидовом пространстве, сами по себе не являются потоками; то, что принято называть «поток», он предлагает именовать «сеть». Объекты в сети существуют благодаря непосредственно этой сети. Они устойчивы ровно до тех пор, пока устойчивы отношения, конституирующие эту сеть, поскольку именно отношения обеспечивают стабильность связей внутри нее.

Сети существуют в так называемых «формах пространственности». Когда меняются сети, меняется и пространственность, поскольку как объекты, так и пространства возникают одновременно и являются связанными друг с другом.

В концепции одного из наиболее известных представителей акторно-сетевой теории Б. Латура сети выступают в качестве связанных посреднических ассоциаций, в которых основной формой жизни выступают так называемые «гибриды», существование которых возможно исключительно в современном мире: человек-компьютер, человек-оружие и т. д. Однако Б. Латур, в отличие от Дж. Ло, считал, что термин «поток» более применим к описанию неочевидности перемещающихся объектов, включенных в системы мобильности, нежели термин «сеть» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что теория потоков, несмотря на различные подходы к ее концептуализации, неизменна в одном: под потоками мы понимаем совокупность пересекающих национальные государственные границы как физических, так и нефизических объектов (идеи, информация и т. д.). Это движение реализуется в физическом пространстве с помощью физических объектов, включенных в системы мобильности (различного рода транспортная инфраструктура, например). Однако оно также подвержено логике социальных отношений, одновременно конституируя их.

Существование таких потоков возможно исключительно в глобализованном мире, подверженном изменениям, о которых мы упоминали ранее. Глобальное перемещение информации и, в частности, определенных культурных паттернов, способствует формированию глобального общества и глобальной массовой культуры.

Говоря об отношениях культуры и социальных сетей, следует упомянуть К. Мангейма (человек в эпоху преобразований), Х. Ортега-и-Гассета (дегуманизация искусства), Г. Ландсбергера, М. Хайдеггера. В своем теоретизировании все они так или иначе касались проблематики масс и массовой культуры в противовес культуре «элитарной». Массовая культура лишена смысла, посылка, она рассчитана на толпу. Ее восприятие не связано ни с упражнением разума, ни с напряжением духа. Потребляя продукты массовой культуры, мы постулируем, что не отличаемся от остальных, а лишь воспроизводим общий тип [10].

О влиянии культурных вкусов на сети досуговых практик говорит также и американский социолог О. Лизардо. Выстраивая собственную концепцию, он опирается на идеи П. Бурдьё о формах капитала и на теорию сетей.

Исходя из концепции П. Бурдьё, О. Лизардо все же критикует его за то, что его теоретизирование выстроено на интуитивном понимании того, как должна выглядеть модель агента в соответствии со вкусами самого П. Бурдьё [10]. Культурные вкусы определяются связями в сети и одновременно опосредуют и поддерживают эти связи. Высокая, интеллектуальная культура с меньшей вероятностью будет конвертирована в социальный капитал за пределами узких кругов сильных связей, поскольку природа этой культуры тяготеет к закрытию собственных границ и имеет дело с определенными видами активов.

Вкус к массовой культуре детерминирует ослабление связей, к элитарной — напротив — укрепление социальных связей в пределах узкого круга агентов. Вкусы определяют позиции близости к границам сильных групп и возможности конвертации культурного капитала в социальный. Конвертация капитала может реализоваться с помощью двух стратегий: генерализированной для массовой культуры и ограниченной для культуры интеллектуальной.

Для массовой культуры характерна широта социальных границ, в то время как интеллектуальной культуре свойственна узость этих границ. Узость компенсируется крепостью и интенсивностью связей, часто эмоциональных.

Популярная культура — своего рода «безопасная форма» культурного знания, позволяющая объединить далекие позиции как физического, так и социального пространства, возвести между ними мосты. «Культурная всеядность» способствует воспроизводству определенных культурных позиций [11].

Таким образом, становится очевидной связь между вкусами, жизненным стилем и неравенством. Признанный производитель образцов массовой культуры — Запад, а неравенство состоит в способности индивидов

декодировать формальные смыслы культурных товаров, используя габитуализированные схемы восприятия и оценки.

Глобальный проект подразумевает потоковое перемещение различных образцов массовой культуры с тем, чтобы формировать социальные сети с совершенно определенной структурой: широкий круг слабых связей между удаленными социальными и физическими позициями, существующий для гомогенизации и насаждения определенных культурных вкусов, жизненных стилей и правил поведения. Это свидетельствует о том, что для глобализованного мира существование массовой популярной культуры предпочтительнее существования культуры высокой, поскольку первая способствует реализации более простых стратегий конвертации различных типов капиталов.

Наша работа является одной из первых попыток осмысления роли потоков мобильностей в культурном воспроизводстве. Она может послужить отправной точкой в дальнейшей разработке социологии мобильностей и исследований, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, влияния мобильностей на воспроизводство культурных образцов.

Список использованных источников и литературы

1. Бауман З. Текучая современность. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 240 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2000. — 606 с.
3. Lizardo O. The Question of Culture Consumption and Stratification Revisited. — *Sociologica*. — 2008. — https://www.researchgate.net/publication/265032480_The_Question_of_Culture_Consumption_and_Stratification_Revisited
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
5. Аппадурай А. Современность на просторе: культурные измерения глобализации. *Социологическое обозрение*. — 2003. — № 4. — С. 57–66.
6. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.
7. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — Москва: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.
8. Пиц У. Материальные вознаграждения. Об истории договорного права. *Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна* — Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — С. 244–267.
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
10. Lizardo O. Taste and the Logic of Practice in Distinction. *Czech Sociological Review*. — 2014. — № 3. — С. 335–364.
11. Lizardo O. How Cultural Tastes Shape Personal Networks. *American sociological review*. — 2006. — № 5. — С. 778–807.

References

1. Bauman, Zigmunt. *Tekuchaya sovremennost'*. Sankt-Peterburg: Piter, 2008.
2. Kastel's, Manuehl'. *Informatsionnaya ehpokha: Ekhnomika, obshhestvo i kul'tura*. Moskva: Izd. dom Vyshej shkoly ehkonomiki, 2000.
3. Lizardo, Omar. «The Question of Culture Consumption and Stratification Revisited». *Sociologica* 2 (2008): 32. doi:10.2383/27709
4. Delyoz, Zhil', and Feliks Gvattari *Anti-Ehdip: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007.

5. Appadurai, Ardzhun. «Sovremennost' na prostore: kul'turnye izmereniya globalizatsii». *Sotsiologicheskoe obozrenie* 4 (2003): 57–66.
6. Urri, Dzhon. *Sotsiologiya za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya*. Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2012.
7. Gofman, Irving. *Analiz frejmov: ehsse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moskva: Institut sotsiologii RAN, 2003.
8. Pits, Uil'yam. «Material'nye voznaग्रazhdeniya. Ob istorii dogovornogo prava.» In *Sotsiologiya veshhej. Sbornik statej*, pod red. V. Vakhshajna, 244–267. Moskva: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», 2006.
9. Latur, Bruno. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2014.
10. Lizardo, Omar. «Taste and the Logic of Practice in Distinction». *Czech Sociological Review* 3 (2014): 335–364.
11. Lizardo, Omar. «How Cultural Tastes Shape Personal Networks». *American sociological review* 5 (2006): 778–807.

Стаття надійшла до редакції 30.08.2018

Руссу Д. Є.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
ауд. 351, майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна

ПОТОКИ МОБІЛЬНОСТЕЙ ТА КУЛЬТУРНЕ ВІДТВОРЕННЯ

Резюме

Стаття присвячена осмисленню системи мобільностей у сучасному світі. Мобільності можуть бути як реальними, так і потенційними діями в їхньому зв'язку із соціальними відносинами у просторі й часі. Ці дії створюють різні види систем мобільностей та підпорядковуються їм. Таким чином, будь-яка система мобільностей — це комплекс соціальних відносин та матеріальної інфраструктури, що роблять певний вид переміщення можливим, повторюваним та передбачуваним. Системи мобільностей включають в себе не тільки людей чи об'єкти, що переміщуються, але й потоки різноманітних ідей, фінансових активів чи соціальних зв'язків, так само як і нерухомих фізичних об'єктів (наприклад, аеропортів чи вокзалів), що забезпечують можливість здійснювати переміщення. Будь-яка окрема дія або рух можливі лише як частина певного комплексу систем мобільностей та потоків, які й виробляються цими системами мобільності.

У статті проаналізовано підходи до вивчення потоків таких вчених як А. Аппадурі, Дж. Уррі, М. Кастельс та інших. Приділено увагу концепціям представників акторно-мережевої теорії Б. Латура та Дж. Ло.

Існування потоків можливе лише в глобалізованому світі, що досяг високого рівня технологізації. Глобальний рух інформації та певних культурних зразків сприяє формуванню глобального суспільства та глобальної культури.

У статі запропоновано пояснення того, як потоки впливають на культуру в сучасному світі. Особливості такого впливу на формування високого та популярного типів культури розглянуто окремо. Проаналізовано вплив потоків на формування культурних смаків. Виявлено, що цей вплив тяжіє до розповсюдження зразків популярної культури. Зроблено висновок, що сучасний глобалізований світ зацікавлений в існуванні масової культури через її можливість досить просто конвертувати різноманітні види капіталів. Таким чином, сучасні системи мобільностей сприяють відтворенню культурної нерівності. Результати дослідження можуть бути використані для подальшого розвитку соціології мобільності та дослідження впливу цієї мобільності на відтворення тих чи інших культурних зразків.

Ключові слова: системи мобільностей, потоки, акторно-мережева теорія, глобалізація, культура.

Russu D. E.

V. N. Karazin Kharkiv National University
R. 351, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine

MOBILITY FLOWS AND CULTURAL REPRODUCTION

Summary

The article is devoted to the comprehension of the mobility systems of in contemporary world. Mobility is considered to be both real and potential actions in their connection with social relations in space and time. These actions tend to create different kinds of the systems of mobility. So, it is considered that, in general, any system of mobility is a complex of social relations and material infrastructure that makes a certain type of movement possible, repeatable and predictable. Mobility systems include not just the actual moving people and objects, but also flows of all kinds of ideas, financial activities or social links, as well as fixed objects of physical infrastructure and everything that provides and supplies them. Any single action or movement is possible only as a part of a certain set of mobility systems and flows, which are being produced by these mobility systems.

Approaches to studying the flows of such scientists as A. Appadurai, J. Urry, M. Castells and some others are analyzed. Attention is paid to the representatives of the actor-network theory B. Latour and J. Law.

The existence of such flows is possible only in a globalized world that approached to the high level of technologization. The global movement of information and certain cultural patterns contributes to the formation of a global society and global culture.

The article proposes explanations on how flows influence culture in contemporary world. The peculiarities of such influence on high and popular types of culture are distinguished. The contribution of mobility flows in forming cultural tastes is studied. It is considered that this contribution tends to spread the patterns of popular culture. The conclusion is made that contemporary global world is interested in the existence of mass culture due to its possibility to convert the types of the capitals in some easy ways. So, modern systems of mobilities contribute to the reproduction of the cultural inequality. The results of the research could be used in further development of the sociology of mobilities and research of the impact of these mobilities on the reproduction of different cultural samples.

Key words: mobility systems, flows, actor-network theory, globalization, culture.